

24 *причины*
для счастья

АНАСТАСИЯ ГРАДЦЕВА

Анастасия Градцева

24 причины для счастья

«Автор»

2023

Градцева А.

24 причины для счастья / А. Градцева — «Автор», 2023

Это сборник небольших новогодних и зимних историй — очень теплых, уютных и романтических. О судьбоносном корпоративе, о письме Деду Морозу, о Снегурочке, забывшей в такси свои сапожки, о некрасивой елке и красивом соседе... в общем, обо всех мелочах, из которых неожиданно выстраивается счастье.

© Градцева А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Снегопад	5
2. Ёлочные игрушки	9
3. Оливье	12
4. Пряничный латте	16
5. Письмо Деду Морозу	18
6. Первый снег	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анастасия Градцева

24 причины для счастья

1. Снегопад

В преддверии Нового года почему-то все шло наперекосяк.

Во-первых, истек срок годности Марусиного рецепта на лекарство, чего она в этой суете и не заметила, а спрея осталось хорошо если на пару дней. Во-вторых, аллерголог в их поликлинике выдавала рецепты исключительно по средам, в тот самый день, когда она работала с часу до четырех. И это еще хорошо, что врач не требовала обязательного присутствия ребенка для того, что выдать рецепт. Собственно, на этом все хорошее и заканчивалось.

Кабинет закрывался в четыре. От работы до больницы ехать было на общественном транспорте сорок минут, на такси – двадцать, но такси в эти предпраздничные дни стоило столько, что она только открыла приложение, длинно присвистнула и закрыла его обратно.

С работы пришлось униженно отпрашиваться и клятвенно обещать начальнику, что она все доделает, все отправит, что у неё нет другого выхода и ей нужно съездить по делам именно сегодня.

– Почему нельзя заниматься делами в свой выходной день? – с какой-то высокомерной безразличностью поинтересовался Игорь, откинувшись на спинку своего кресла и закидывая руки за голову так, что обнажались широкие запястья, такие смуглые на контрасте с белизной манжет.

Следуя европейским традициям, он просил называть его именно так —по имени, без отчества, – но почему-то это не особо помогало, и атмосфера в коллективе вовсе не становилась от этого прогрессивной, либеральной и доброжелательной. Скорее наоборот.

Ей очень хотелось язвительно ответить ему, что вот, представьте себе, почему-то, когда у меня выходной, в больнице тоже никто не работает. Странно, правда?

Но она преодолела себя и смиренно объяснила начальнику, что ей очень жаль, но по-другому и правда не получится.

Игорь оторвался на славу: он долго и с удовольствием припоминал ей все её бесконечные больничные, а также ту неделю, которую она совсем недавно брала за свой счёт.

– Нельзя было в это время решить свои дела? Обязательно это делать в ваше оплачиваемое рабочее время?

Она только пожала плечами.

Ну что она могла сказать холеному самодовольному Игорю? О чем она могла ему поведать в свое оправдание? О том, как сложно воспитывать одной ребенка? О том, что эта неделя ей была нужна, чтобы съездить в другой город к сильно заболевшей маме?

Был бы кто другой на его месте, она, может, и попыталась бы объясниться, но Игорь не производил впечатление того, кто мог бы такое понять. Казалось, у него не было ни детей, ни семьи, ни родителей, и он сразу родился в этом дорогом деловом костюме, с опытом и образованием, весь такой идеальный, отполированный до кончиков ногтей и ужасно мерзкий. Не имеющий сочувствия и сострадания ни к кому.

Он сам работал как машина и от других хотел точно того же.

А она так не могла. У нее была маленькая дочка и был рецепт на лекарство, который надо забрать сегодня. До четырех часов дня.

Игорь её все же отпустил, но, торопясь доделать дела, она вышла с работы на пару минут позже, чем собиралась. Всего на пару минут позже! Но эти две минуты все в итоге и поломали.

Автобус уехал прямо у неё из-под носа, и это было нечеловечески обидно, потому что следующий шел только через восемь минут. Впрочем, паниковать было рано: время еще было.

А вот ужина дома не было! Поэтому, стоя на остановке и притопывая ногами, чтобы не замерзнуть, она начала прикидывать, что бы такого успеть приготовить из имеющегося в холодильнике или морозилке, чтобы не заходить в супермаркет. Потому что трёхлетняя Маруся после садика не хотела идти ни в какой магазин, а хотела домой. К своим любимым игрушкам.

Она рассеянно дождалась следующего автобуса и, как только он подъехал и открыл двери, шагнула туда, все ещё размышляя о том, что же лучше: пожарить не самые полезные сосиски, которые дочка сто процентов будет есть и которые готовятся очень быстро, или запечь брокколи с рыбой, что гораздо более полезно и тоже быстро готовится, но велик шанс что Маруся заплюет ей этой брокколи весь кухонный стол и стены.

Она уже мысленно решилась на сосиски, пойдя на компромисс с материнской совестью, как вдруг из размышлений её вырвал приветливый механический голос.

– Восточная, – сказали из динамиков. – Следующая остановка – площадь Ленина.

– Что?! А разве девяносто девятый так идёт? – беспомощно спросила она у людей, стоявших рядом с ней.

– Так это не девяносто девятый, – презрительно сказала какая-то женщина. – Это сто третий. Он в Сады идёт.

Она пробормотала себе под нос непристойное ругательство, и женщина осуждающе на неё покосилась.

Прекрасно, просто прекрасно! Она села не тот автобус! Почему-то думала, что как раз должен был подъехать её, отвлеклась и зачем-то... Ох черт.

Она выпрыгнула на следующей остановке и начала тыкать в кнопки приложения, чтобы выстроить маршрут до больницы.

Маршрут в целом выстраивался, но очень и очень неудобный. Надо было пройти пешком до следующей остановки, там пересечь на трамвай, и уже трамвай довез бы её до больницы. Почти до больницы. Всего лишь километр пешком, и она на месте.

Она всё ещё успевала, потому что время на дорогу было взято с запасом, но уже начинала нервничать.

Задышавшись на ходу от быстрого шага, она почти добралась до следующей остановки и, подходя ближе, увидела хвост трамвая. Именно того, который ей был нужен.

– Поднажмём, Лида, – сказала она сама себе и побежала.

В конце концов, зря она что ли в школе занималась легкой атлетикой?

В трамвай она заскочила, буквально протиснувшись через двери, и облегчённо, радостно выдохнула. Щеки разругались, ей было жарко и весело. А что? В больницу она, считай, успела. На работу уже сегодня идти не надо. А дома её ждал вкусный ужин из сосисок с макаронами, обнимашки со смешной кругленькой Марусей, и уютное похрапывание рыжего кота Максика, который очень любил пристраиваться ей под бок, пока она читала дочке сказки.

Ещё раз улыбнувшись, она заглянула в телефон, чтобы уточнить, на какой остановке ей выходить, и вдруг с ужасом поняла, что села не на тот трамвай. Вернее, на тот, но шел он совсем в другую сторону, не в ту, в которую ей было надо.

Ну как так получилось?! Зачем вообще надо было так спешить, разве нельзя было нормально посмотреть? Дура она. Невнимательная дура и идиотка.

Она выскочила из трамвая на следующей остановке, которая была уже после того, как они переехали через мост, и огляделась: вокруг был абсолютно незнакомый район с новыми многоэтажками. Телефон говорил, что добираться отсюда до больницы она будет полчаса. Кабинет закрывался через двадцать минут.

«Да бог уже с ними, с этими деньгами», – подумала она и открыла приложение такси. Вбила адрес, и...

Нет свободных машин.

Да черт бы это все побрал!

На улице шел мелкий снег, он летел ей в глаза, в нос, в рот, и она глотала его, бездумно глядя куда-то в выбеленный горизонт и чувствуя себя такой бессильной, как никогда в жизни. Разве такой должна быть взрослая женщина, которая воспитывает ребенка? Разве имеет она право так глупо косячить? Разве она не должна всегда-всегда со всем справляться?

Машина, затормозившая прямо перед ней, посигналила так резко и громко, что она вздрогнула. И невольно посмотрела на нее, шмыгнув носом.

– Лидия? – в приоткрывшемся окошке показалось недовольное лицо Игоря. – Вы что тут делаете?

– А вы что тут делаете?

– Живу, – неприязненно ответил он.

– А почему вы не на работе? – глупо спросила она.

Он вздохнул.

– У меня болеет кошка, – пояснил он тоном, который приберегал для особенно тупых поставщиков. – Должен был прийти ветеринар, чтобы поставить ей укол, поэтому мне пришлось вернуться домой. Теперь еду обратно в офис. А ваши дела как? Кончились уже? Может, вернетесь на работу, в таком случае? До конца рабочего дня еще два часа.

– Идите вы нахрен, Игорь, – зло сказала она и все-таки расплакалась.

И даже не поняла, как очутилась внутри его машины, где было тепло и пахло фруктовой жвачкой. И даже не поняла, почему начала запальчиво рассказывать ему и про дочку, и про рецепт, и про дурацкие трамваи, которые почему-то едут не в ту сторону.

– Ага, – сказал Игорь.

– Адрес, – сказал Игорь.

До больницы они домчались, когда на часах было без пяти четыре. Он привез ее прямо к крыльцу, хотя парковаться тут вроде бы было запрещено.

– Спасибо! – крикнула она ему уже на бегу, перескакивая сразу через две ступеньки высокой лестницы. Бахилы у порога, лифт на четвертый этаж, по коридору направо, четыреста десятый кабинет и...

– Закрыто, – растерянно сказала она сама себе, дергая ручку. Постучалась и дернула снова – никакой реакции.

– Так ушла она уже, – заметили из соседней очереди к офтальмологу.

– Как ушла? До четырех же сегодня.

– Так уже четыре.

– Без пяти! – яростно возразила она.

Но в очереди только пожали плечами.

Она снова дернула ручку двери, а потом повернулась и медленно побрела обратно к лифту. Врачи тоже люди, у них тоже могут быть дела, особенно в предновогодней суете. Она вон тоже сегодня раньше ушла с работы...

Абсолютно зря, как оказалось. Теперь еще этот день отрабатывать придется.

Как ни странно, Игорь не уехал, а стоял и курил около своей машины.

– Успели? – спросил он.

– Там уже закрыто.

– Но ведь сейчас только, – он посмотрел на часы, – без одной минуты четыре.

– Врачу это расскажите, – горько усмехнулась она.

– А в другой день прийти нельзя?

– Рецепты выдаются только по средам. А в следующую среду уже Новый год.

– А без рецепта лекарство купить нельзя?

– Это – нет, – она виновато пожала плечами. – Простите, что так все получилось. Я правда отработаю этот день.

– Садитесь, Лида, в машину, – бескомпромиссно заявил Игорь, метко отправляя окурок в стоящую неподалеку урну. – И напишите мне, как называется это лекарство.

Он сделал несколько звонков, с кем-то поговорил, что-то написал, потом опять позвонил, а потом повернулся к ней.

– Поехали. Пристегивайтесь. Одной упаковки хватит?

– Хватит, – торопливо сказала она. – Как раз до конца праздников, а там... Спасибо вам. Огромное спасибо!

– Не говорите ерунды.

Через полчаса у нее было в руках лекарство. Новое, в упаковке. Деньги за него отдал Игорь, не обращая внимания на ее слабые попытки всучить ему эти пятьсот рублей.

На обратном пути снег пошел еще сильнее и превратился в настоящий снегопад, засыпавший и дома, и людей, и дороги. Их машина медленно ползла в пробке из сотни таких же машин, а дворники беспрестанно чистили лобовое от летящих в него белых хлопьев. Заснеженный город в свете фар и фонарей выглядел декорацией к новогодней сказке, в которой лягушка становится царевной, а злобный начальник превращается в прекрасного принца.

– Вы потом еще на работу? – робко спросила она.

– Уже нет, – откликнулся Игорь. Вот такой, уставший, без привычной высокомерной маски на лице, он казался намного ближе и понятнее. – Вас отвезу и домой поеду. Какой у вас адрес?

– Мне не домой, мне в садик надо. За дочкой.

– А муж не может забрать?

– Откуда у меня муж? – весело удивилась она.

– У вас кольцо на пальце.

– Это не обручальное, вы что! – замотала она головой. – Это бабушкино, просто оно только на этот палец нормально садится!

– Ага, – сказал Игорь.

– Адрес садика, – сказал Игорь.

Она смущенно продиктовала улицу и номер дома, а потом, поколебавшись, все же спросила, как Игорь относится к ужину из сосисок с макаронами, на который она его прямо сейчас приглашает.

Оказалось, что замечательно относится.

Она тихонько улыбалась, глядя на снегопад за окном их машины, и очень надеялась, что рыжий Максик и кругленькая Маруся ему тоже понравятся.

2. Ёлочные игрушки

Она любила Новый год. Любила покупать подарки, украшать дом и наряжать елку. А муж никогда не понимал суеты вокруг этого дня и в первое же совместное празднование Нового года умудрился по-крупному встрять, не приготовив ей никакого подарка. Скандал был отсюда и до Луны, и далеко не сразу она поняла, что это не от скупости или глупости, просто для мужа и правда Новый год не праздник.

Спустя пять лет брака, а также спустя один ремонт, два переезда, бесчисленное количество ссор и примирений они наконец пришли к новогоднему нейтралитету, который устраивал обоих: муж честно выбирал с ней самую пушистую елку и ставил ее посреди зала, а еще закупал по списку продукты для новогодних салатов и терпеливо ездил первого января на посиделки к ее старшей сестре. А она за это не выносила мужу мозг по поводу праздника, не приставала с новогодними фильмами и песнями, каждый год готовила для него оливье «как у мамы, ладно?» и смирилась с тем, что подарками в этот день они не обмениваются.

Было в этом даже особое медитативное удовольствие – одной наряжать елку, пока муж увлеченно играет в свои стрелялки, а на диване спит их толстый флегматичный кот, посапывая и изредка дергая во сне лапой. В этом году было так же: привычно и уютно шумел ноутбук, остро пахло свежей хвоей и в комнате ярко сияли и подмигивали гирлянды, пока она неспешно вытаскивала из коробки елочные игрушки и, полюбовавшись поочередно каждой, вешала их на ветки. Ее елка никогда не была такой идеальной, как на красивых картинках, где все шарики золотые, а банты на них лиловые или наоборот, но ее это нисколько не огорчало. Такие елки хороши только в журналах и в торговых центрах, а дома пусть будут вот эти разномастные игрушки, а еще мишура с дождиком и обязательно Дед Мороз под елкой – еще тот, старый, с ватной бородой, выклянченный у мамы.

У каждой игрушки была своя история, она их все знала в лицо: вот эту пузатую сову они с мужем купили в Дрездене, а красный автобус привезла старшая сестра из своей поездки в Лондон. Чуть облезший зайчик на прищепке и снегурочка с монгольским лицом – это бабушкины игрушки. Оттуда же, из бабушкиной старой коробки, и вот эти серебристые сосульки и шишки. Синий шарик с белыми звездами подарил папа, а вот этот цыпленок...

Металлическая верхушка, за которую она взяла его, внезапно осталась у нее в пальцах, а сама игрушка упала на пол и разбилась. Отлетела голова со смешным клювом, тельце раскололось на несколько частей и только нижняя часть – скорлупка – осталась относительно целой.

Заинтересовавшись шумом, поднял голову сонный кот, она на него шикнула и тут же стала собирать осколки, чтобы эта пушистая морда не вздумала с ними играть. Острый край одного из кусочков стеклянной игрушки уколол палец, и на нем выступила капелька крови. Она машинально сунула палец в рот, зализывая ранку, и вдруг поняла, что плачет.

Это не была какая-то фамильная ценность или антиквариат, цыпленок был ее, личный. Она привезла его с фабрики елочных игрушек, куда их всей школой водили на экскурсию. Когда же? Класе в девятом? Да, в девятом. Потому что в десятом Горелова уже не было, он ушел в ПТУ. И тогда, в этом фабричном магазине, куда их привели после экскурсии, она очень хотела купить себе этого цыпленка. Он был страшно милый и не похожий на остальные игрушки, но и стоил раза в два дороже. У нее банально не хватало денег. А Горелов вдруг подошел, отодвинул ее плечом, молча достал из кармана смятые купюры и купил ей этого цыпленка. Сунул в руки и ушел. А она так растерялась, что даже «спасибо» не сказала. Ну потому что не ожидала. Была уверена, что этот хулиган в потасканной кожаной куртке и с вечной сигаретой в зубах ее знать не желает. Ровно как и она его. Ну а на что там смотреть? Грубый, мрачный, совершенно не симпатичный парень, который плохо учится и постоянно

влипает во всякие истории. Вечная головная боль их классной. Вот она была, наверное, рада, когда Горелов перешел в ПТУ.

Осколки от цыпленка давно лежали в мусорном ведре, на палец был наклеен пластырь, а она все не могла успокоиться. Всклипывала и вытирала тыльной стороной ладони слезы.

– Что случилось? – муж снял наушники и посмотрел на нее.

– Игрушку разбила!

– Бабушкину? – он помнил, как она объясняла ему важность этих семейных реликвий.

– Нет, свою. Со школы еще.

– А, ну и ладно тогда, – пожал плечами муж. – Что реветь? Новую купишь.

Слезы потекли еще сильнее.

– Это был цыплёнок, – сдавленно сказала она. – Я таких в магазине не видела.

– Закажи на алиэкспресс, – предложил муж и тут же открыл страницу в ноуте, свернув свою игру. – Тут точно найдется. К Новому году, правда, не успеет дойти, но на следующий повесишь. И давай успокаивайся. Ну вот делать нечего – переживать из-за всякой ерунды.

Она любила в муже его надежный спокойный характер, его умение отделять важное от второстепенного и находить выход из любой, даже самой безвыходной ситуации. Но иногда все эти плюсы выходили таким боком, что хотелось психануть и развестись. Уйти в закат, найти себе тонко чувствующего художника и ночами напролет говорить с ним о прекрасном.

Вот как сейчас. Слова про ерунду были такими обидными, что она моментально взорвалась и заорала прерывающимся от слез голосом:

– Хватит! Хватит считать то, что для меня важно, ерундой! Это была память! О школе!

– Лен, ну ты сама себя слышишь? Что за пафос? Вон иди фотографии посмотри, если тебе память нужна. А реветь из-за всякой херни никаких нервов не хватит, я тебе серьезно говорю. Ты лучше...

Она не дослушала, что лучше. Ушла в ванную, закрылась на щеколду и отчаянно, в голос зарыдала. А как ему объяснить, что такого важного было в этой игрушке? Первая любовь? Да не было там любви. На неловкое «спасибо», которое она попыталась сказать Горелову на следующий день, он ответил мрачным злым взглядом и отвернулся. Больше она с ним, в общем-то, и не разговаривала. Даже не знает, как сложилась у него жизнь и где он сейчас. Да и не то чтобы очень интересовалась. Дело ведь не в самом Горелове, а в том ощущении чуда, в том благоговейном удивлении, когда из-под неприглядной темной оболочки другого человека вдруг пробивается яркий солнечный луч – словно одуванчик, нашедший путь сквозь бетон.

Хлопнула входная дверь – муж ушел. И трудно его за это винить. Ее истерики и тонкая, блин, душевная организация кого угодно доведут, даже такого терпеливого человека, как ее муж. Угораздило же его в нее влюбиться. Угораздило же ее влюбиться в ответ. А ведь могла бы сейчас портить нервы какому-нибудь художнику, а тот бы радостно страдал и рисовал картины. Художникам такие встряски, говорят, даже на пользу. А вот ведущему аналитику данных – явно нет.

Она умылась, расстроено посмотрела на свои красные опухшие глаза, вздохнула и пошла в зал. Мужа не было, его телефон не отвечал. Интересно, мог он уйти от нее насовсем вот так – без предупреждения? Он ведь тоже может психануть, не из камня же он сделан.

Елку наряжать больше не хотелось. Она убрала игрушки и, подумав, пошла на кухню. Когда муж вернется, она его накормит жареной картошкой. Он ее обожал так сильно, что готов был есть хоть каждый день. Но только чтобы с зажаренным луком, хрустящей корочкой и запивать обязательно молоком.

Когда картошка была готова, она позвонила еще раз. Абонент теперь был недоступен. А вдруг с ним что-то случилось? А вдруг потерял телефон? Или ограбили? Или машина сбила?

Когда она уже начала паниковать до такой степени, что почти решилась позвонить свекрови, которую терпеть не могла, в двери повернулся ключ.

– Тёма! – она бросилась на мужа и прижалась лицом к куртке, пахнувшей морозом и чуть-чуть хвоей. – Я чуть с ума не сошла! Ты куда ушел?

– В магазин, – с легким недоумением сказал он. – Я же написал тебе.

– Куда написал? Я ничего не получала. А потом звонила, а телефон не отвечал.

– Разрядился, – объяснил муж. – Черт, неужели сообщение не успело отправиться? А я... вот. Принес. Тебе.

Он вытащил из необъятного кармана своей куртки жесткую картонную коробочку и протянул ей. Она осторожно открыла крышку и, придерживая двумя пальцами, достала оттуда елочную игрушку. Пузатого пингвина – явно штучной работы, а не китайского производства. Он весело смотрел на нее круглыми глазами, а его брюшко серебристо блестело под светом лампы.

– Ты права, цыплят хрен найдешь, – с досадой сказал муж. – Я три магазина объездил. Нашел вот только пингвина. Пойдет? Он же технически тоже птица?

– Конечно, птица! – убежденно сказала она, прижав коробочку к груди. Глаза снова защи-пало. – Самая лучшая на свете птица! Спасибо, Тём.

Они неловко столкнулись губами – ее солеными и его холодными – и улыбнулись теперь уже оба.

– А я картошку пожарила, – вдруг сказала она. – Будешь?

– Конечно, буду.

Но вместо того, чтобы идти на кухню, они почему-то еще раз поцеловались. Как будто хотели что-то сказать друг другу, но не могли найти слов. Так бывает. Даже с теми, кто знает друг друга очень давно и близко.

Как хорошо, что для таких случаев есть игрушечный пингвин, жареная картошка и поцелуи. Особенно поцелуи. Хотя пингвин – тоже ничего.

3. Оливье

– Ты обалдела что ли? – мрачно спросила она у банки с горошком. – И что я должна теперь делать? В магазин бежать? Вечером тридцать первого декабря?

Открытая банка молча пузырилась, пахла чем-то кисловатым и затхлым и всем своим видом намекала, что да. Что если хочешь поесть сегодня под бой курантов свой любимый салат оливье, будь добра: шуруй в супермаркет и прими участие в увлекательном квесте по поиску зелёного горошка.

Нет, конечно, можно было обойтись и без оливье: за праздничным столом все равно будет только она сама и ее депрессия, так что ни перед кем стараться не надо, но, с другой стороны, она любила, черт возьми, этот салат! И планировала накрошить целый тазик специально для того, чтобы есть его сегодня, завтра и, может быть, даже послезавтра на обед, ужин и завтрак. Запивая все это дело вкусным шампанским. И это будет, блин, оливье с яблоком! Именно такой, какой любила она и какой терпеть не мог её бывший парень. Скатертью ему дорога, кстати.

На часах было уже семь вечера, и некоторые супермаркеты давно закрылись, но, к счастью, огромный магазин буквально через две улицы от неё все ещё работал.

Она даже не стала переодеваться во что-то приличное: прямо так, на домашние легинсы и футболку, накинула короткий пуховичок, натянула капюшон на голову, сунула ноги в удобные угги, схватила сумку и побежала.

В супермаркете, как ни странно, было не протолкнуться. Даже удивительно, откуда здесь вечером тридцать первого декабря взялось столько людей. Ладно она, а вот они разве не могли заняться чем-то поинтереснее?

Она недовольно зашипела, когда в нее сзади кто-то врезался, пропустила даму с квадратными глазами и нагруженной тележкой, и пошла дальше, вглядываясь в полки. В последний раз она заходила сюда месяц назад, потому что обычно бегала в магазин у работы, и за это время в супермаркете опять все переставили. Нет, она прекрасно понимала, что это маркетинговый ход, отлично осознавала, зачем так делают, но бесило это каждый раз так, что аж искры из глаз сыпались. Нет, ну честное слово, почему она каждый раз должна чувствовать себя так, будто оказалась тут в первый раз? Раньше консервы были вон в том углу, недалеко от хлеба, а сейчас там красовались новогодние украшения и готовые упаковки подарков – носки и пена для бритья, перевязанные красной ленточкой.

«А мне вот теперь не надо никому дарить подарок», – вдруг подумала она. И даже попыталась этому порадоваться. Жаль, не очень получилось.

Наконец после нескольких кругов, намотанных по магазину, она обнаружила полку с консервами. Аллилуйя! Привет вам, консервированные томаты, привет тебе, кукуруза, а вот и главный герой сегодняшнего вечера... Ну-ка, иди сюда!

Она пошарилась в темных глубинах полки, но увесистая металлическая банка почему-то не попадалась под руку. Тогда она села на корточки, заглянула туда, но там было пусто. Причем этикетка с надписью «зелёный горошек конс.» была, а самого зелёного горошка не было. Совсем. При том, что пустая коробка, которая осталась от банок, все еще стояла тут, а значит, они с горошком разминутись совсем чуть-чуть. Он явно был здесь вот совсем недавно, но кто-то более везучий успел раньше неё. И остался с горошком. А она – без.

Она медленно встала, зачем-то отряхнула руки, глубоко вздохнула и... вдруг едва не расплакалась.

Мало того, что её унизительно бросили два месяца назад, мало того, что она встречает Новый год в полном одиночестве, так ещё и горошек сделал ей такую подлянку. Скотина, а не горошек, честное слово!

Ну почему-то в жизни всегда происходит так, что если все начинает идти как попало, то дальше все будет только хуже. И следующая секунда это только подтвердила, потому что сзади её вдруг кто-то окликнул.

– Вика? Привет!

Она обернулась и увидела того, кого меньше всего сейчас хотела бы увидеть. Буквально в двух шагах от нее стоял ее бывший парень Максим, весёлый, улыбающийся, в идеальном, черт возьми, пальто, которое они выбирали вместе, а рядом с ним – та самая! Его первая любовь, его бывшая одноклассница, которую он, оказывается, любил всю свою жизнь и которая наконец-то ответила ему взаимностью. Охренеть какая радость! Срочно достаём платочки и рыдаем от умиления.

– Привет, Макс, – выдавила она из себя, понимая, что выглядит сейчас именно так, как нельзя выглядеть во время случайной встречи с бывшим парнем и его новой девушкой: волосы взъерошены, на лице нет косметики, футболка, виднеющаяся в распахнутом пуховике, растянутая и с пятном от вина, да ещё эти чёртовы угги!

Зато новая девушка Макса, как назло, буквально сияла предновогодней красотой, словно заботливо наряженная елка: и платье какое-то красивое, серебристое, и сапожки на каблучке высокие, и на лице полная боевая раскраска...

Ей очень захотелось превратиться в разумную слизь и просочиться сквозь пол. Все лучше, чем стоять тут и умирать от чувства собственной ничтожности.

– Котёнок, – нежно проговорил Макс, обращаясь к своей девушке, – это Вика. Помнишь, я говорил тебе про неё?

– Привет, – просияла девушка, и это выглядело так, словно на елке еще и гирлянды зажгли. – Очень рада с тобой познакомиться!

«А я-то как рада», – со вздохом подумала она, добавив к этому мысленно парочку непечатных выражений, но все же попыталась изобразить приветливое выражение лица.

– Как твои дела? – радостно спросил Максим. – Так неожиданно тебя тут встретить! Какие у тебя планы на Новый год? Мы вот у родителей моих будем праздновать. Представь, уже до их дома дошли и тут вспомнили, что забыли купить шампанское.

– Пришлось сюда бежать, – со смехом добавила девушка, которая так и не представилась. А, с другой стороны, зачем ей это делать? Она ведь и так помнила, что новую любовь Макса зовут Алина. Хотя вот нахрена ей эта информация? Лучше бы эту ячейку памяти чем-то полезным заняла, хотя бы английскими фразовыми глаголами.

Она вздохнула и еще раз посмотрела на Макса, который явно не собирался прекращать этот тупой разговор и вообще выглядел очень милым и приветливым. Ну конечно, они ведь расстались как друзья! (ха-ха три раза)

Черт, ну как она могла забыть, что у него тут неподалеку живут родители! Да если бы она знала, что они к ним в гости пошли, она бы в жизни не выбралась в этот супермаркет даже под страхом смерти. И плевать она хотела на этот горошек. Тем более что она все равно его не нашла.

– Замечательно, – кисло проговорила она немного невпопад, – очень рада за вас.

– Спасибо! – просиял Макс. – А у тебя как дела? С кем-то отмечаешь или...?

Тут он немного замялся, и взгляд у него стал такой сочувствующий, что она прекрасно прочитала все его мысли. Ну не зря же они полтора года жили вместе? Было видно, что Макс заметил и угги, и лохматость на голове, и домашние легинсы и что он отлично понимает, что встречать этот Новый год она будет одна. Наедине с собой, как говорится.

А что самое ужасное, это явно понимала и его девушка, которая сейчас смотрела на неё с обидным сочувствием.

И вот это стало последней каплей.

Она решительно задрала подбородок, чувствуя, как изнутри поднимается чистая ярость пополам с адреналином, а потом улыбнулась так, как умела только она – ярко, насмешливо, по-королевски.

– Да мы что-то совсем забыли про этот праздник, – проговорила она, слегка понизив голос до интимного тона. – Ну понимаете, когда столько секса, то никакого Нового года не надо. Очень непривычное чувство, – тут она мягко рассмеялась, глядя прямо на Макса.

Тот слегка побледнел.

– Мы? – переспросил он.

– Да, – кивнула она и, углядев в двух шагах отсюда чью-то заброшенную тележку, подошла и по-хозяйски за нее взялась. Быстрый взгляд на содержимое показал, что выбор удачный, потому что там лежал мужской дезодорант, какие-то фрукты, хлеб, колбаса нескольких видов, а еще... банка с горошком!

«Закончу этот цирк, и заберу банку себе», – хищно подумала она. И по-акульи улыбнулась Макс и его Алине.

– Познакомишь? – вдруг спросил Макс с какими-то нотками ревности в голосе.

– С кем? – не сразу поняла она. – А, с моим новым... Нет, прости. Он не особо любит людей, так что я лучше пойду. Поищу его. Он, наверное, уже у кассы, презервативы докупает.

Она снова улыбнулась Макс и Алине.

– Приятно было вас встретить! С наступающим!

И уже хотела было толкнуть тележку, как вдруг откуда-то сбоку протянулась мужская рука и схватилась за ручку тележки, надежно зафиксировав ее на месте. Она медленно обернулась, увидела высокого плечистого мужика, который непонимающе на нее пялился, держа в руках коробку зефира, и... Кинулась ему на шею.

– Подыграйте ради Бога! – шепнула она ему в панике и быстро поцеловала его в шею. Которая, кстати, была вполне себе крепкой, приятной и вкусно пахла.

Мужик на секунду завис, а потом обнял рукой ее за талию, и она посчитала это знаком согласия. Поэтому оторвалась от него и повернулась к Макс и Алине, которые стояли раскрыв рты и наблюдали за ними, как за кино.

– Знакомьтесь. Это...

– Леша, – хрипло сказал мужик.

– Леш, а это мой бывший – Максим. И его новая девушка. Но они уже торопятся, им к родителям пора.

– Рад знакомству! Может, мы могли бы как-нибудь вместе встретиться? – ожил Макс. – Было бы интересно познакомиться поближе, пообщаться... Мы ведь с Викой остались друзьями.

– Нет, – рубанул мужик.

– Нет? Почему?

– Не хочу, чтобы моя женщина с тобой общалась.

Макс непонимающе захлопал ресницами, а потом тонко улыбнулся.

– Подождите, – сказал он чуть заносчиво. – Ну а как же современные взгляды?

– Никак, – отбил подачу мужик. – У меня пещерные взгляды. Моя женщина – это только моя женщина. И никаких бывших рядом с ней не будет.

В глазах Алины зажглись огоньки нешуточного интереса. Алина даже плечи неосознанно расправила, выставляя вперед грудь в блестящем платье.

Реально цирк!

Если бы она сейчас не была в таком дичайшем стрессе, то точно бы расхохоталась.

– Всем пока! – попрощалась она. А потом нежно обратилась к мужику: – Идем, Леш.

– С наступающим, – буркнул он, не глядя на сладкую парочку, и они пошли к кассе.

Вдвоем, не обменявшись ни единым словом, они выложили покупки на ленту, мужик заплатил, а она рассовала все по пакетам. Вот сейчас бы как раз уйти, но вдруг эти еще неподалеку... И горошек опять же...

В общем, она дошла вместе с мужчиной до его машины, которая была припаркована за углом, и там уже, складывая покупки в багажник, поняла, что надо заканчивать. А то она так и домой к нему уедет.

– Спасибо, – каким-то чужим голосом проговорила она.

– О, а уже можно, да? – сразу же оживился мужик. – Я думал, вдруг они наблюдают за нами!

Она рассмеялась. У него были очень веселые карие глаза и довольно симпатичное лицо. Приятный мужик! Удачно она тележку выбрала!

– Да вроде не должны. Простите за этот балаган, и еще раз спасибо вам, Леша, что вы согласились в нем поучаствовать. Моя самооценка этого не забудет и всю жизнь будет вам благодарна.

– Да бросьте кокетничать, – отмахнулся он. – Все у вас в порядке должно быть с самооценкой.

Он коротко, но очень по-мужски ее оглядел, и как-то сразу стало понятно, что лично ему все нравится. И ноги в леггинсах. И грудь под футболкой. Которая с пятном от вина.

– И, кстати, я не Леша.

– А кто?!

– Миша.

В ответ на ее непонимающий взгляд он смущенно объяснил:

– Ну я подумал, что надо другое имя назвать. Ради конспирации.

И они оба вдруг захохотали.

Леша, оказавшийся Мишей, подвез ее до дома, а когда она, неловко замаявшись, спросила, не может ли он ей продать банку горошка, он задумался, а потом очень серьезно и торжественно проговорил:

– Только за твой номер телефона.

И Вика снова рассмеялась.

4. Пряничный латте

В этой маленькой кофейне всегда вкусно пахло обжаренными кофейными зернами и с утра до вечера слышалась бодрая сербская речь. Она не понимала ни слова: чужие звуки пересыпались круглыми шариками и раздражали так, как только может раздражать постоянное напоминание о своем несовершенстве. Позорище: прожить год в стране и до сих пор не научиться понимать сербский хотя бы на элементарном уровне!

Она привычно попинала себя, как будто и без того было мало причин недовольства собой. Особенно, если сравнивать с подругой, которая релоцировалась в Белград одновременно с ней. Подруга уже неплохо болтала на сербском, завела пару местных подружек, организовала какой-то воскресный клуб для русских эмигрантов и вообще была отвратительно деятельной и успешной. Она же успевала только работать. Работала удаленно, с раннего утра и до пяти часов, а потом падала без сил на диван в съемной однушке и не хотела ничего. Ни красот чужой страны, ни новых знакомств, ни непривычной еды. Она хотела домой. Но дом теперь был здесь.

– Hello! Can I, please, have coffee? – она говорила на английском с жутким, типично русским акцентом, но сербов это не смущало. Их акцент обычно был еще хуже. Сегодня ее обслуживал не Марко – высокий смуглый хозяин кофейни, а какой-то новый мальчик.

– Sure! – сказал он на неожиданно хорошем английском. – How would you like your coffee?

– Gingerbread latte, please.

– Пряничный латте, хорошо. Может, что-то еще? – мальчик вдруг перешел на русский и смущенно улыбнулся, как бы спрашивая, угадал или нет.

– Ой, наверное, круассан, – тоже смутилась она, потому что улыбка у мальчика была хорошая. Да и сам он оказался неожиданно симпатичным: русоволосый, сероглазый, с высокими скулами и капризной линией губ.

– Джем вам какой к круассану? – весело спросил он.

– Никакой, я не люблю варенье, – качнула она головой.

– А я люблю, – вдруг признался он, ловко разворачиваясь к кофемашине и принимаясь за ее латте. – Брусничное особенно.

Сзади мальчик был ничуть не хуже: она невольно залюбовалась длинными стройными ногами и крепкой спиной. Хорош! Честное слово, хорош. Было бы ей лет двадцать... или хотя бы двадцать пять... эх!

– Двести тридцать, пожалуйста. Наличными или картой?

– Наличными. Если вас не смутит, что я мелочью наберу, – улыбаясь, сказала она. Проще было приложить телефон к терминалу и мгновенно оплатить, но хотелось глупо продлить этот момент приятного общения. Такого редкого за последний год.

– Меня это даже воодушевит, – серьезно заверил ее мальчик, и сердце как-то резко дернулось в груди. Было больно и хорошо одновременно, словно замерзшие пальцы отогревать в тепле.

Они вдвоем пересчитывали монетки, которых много скопилось в ее кошельке, и ей ужасно хотелось коснуться его по-мужски широкой ладони, но она не решилась.

– Хорошего дня, – он протянул ей стаканчик с кофе, который пах как имбирный пряник, и шуршащий пакетик с круассаном.

Пальцы на мгновение соприкоснулись, и он ненадолго замер, словно продлевая это движение.

– И вам хорошего дня, – улыбнулась она так, как уже давно никому не улыбалась: желая понравиться, запомниться... А ведь когда-то она так умела. И лучше многих.

На улице сияло неожиданное для декабря солнце, и, хотя пальцы стыли на ветру, она не вернулась домой, а пошла дальше, осторожно слизывая со своего кофе шапку взбитых сли-

вок с пряничной крошкой. Почему она раньше так не гуляла? Что ей мешает каждый день наслаждаться жизнью, вместо того чтобы умирать от одиночества и депрессии на продавленном диване?

Ведь подруга может, почему она нет?

Обычно после такого следовала мысль «Соберись, тряпка», но сейчас из этого умиротворенного состояния она вдруг впервые увидела ситуацию совершенно под другим углом. И это вечное сравнение внезапно показалось ей некорректным и даже нечестным.

Ведь если так хорошенько подумать, то выйдет, что, она зря к себе придирается. Ну вот серьезно: когда ей учить этот сербский? Подруга, конечно, молодец, но ведь она не работает. У них работает муж, а она занимается дочкой и домом. И знакомых она себе тоже не на улице нашла, а подружилась с мамами в садике. И вообще она не одна приехала, а это тоже важно, когда не один. Тогда и сил больше.

«Так что, учитывая всю ситуацию, я неплохо справляюсь», – вдруг сказала она сама себе. – «У меня не хватает сил на все, но я делаю, что могу. Я молодец».

И так хорошо стало от этой похвалы, что едва слезы на глаза не навернулись. Она поймала свое отражение в витрине и приостановилась, разглядывая. Так, словно видела себя в первый раз. Да, тридцать пять лет это, конечно, далеко не юность, но ведь и не старость, верно?

Вкусный кофе делает этот мальчик. Надо будет еще зайти на неделю.

***

Но всю неделю она ходила мимо кофейни, не решаясь зайти. И ужасно злилась на себя, что напридумывала всякой ерунды, а теперь вот ждет чего-то. И боится.

«Да черт, хватит уже, сколько можно!» – и она решительно толкнула дверь.

За прилавком стоял Марко, и внутри кольнуло таким разочарованием, что стало ясно: не за кофе она сюда шла, идиотка. Ох не за кофе.

Стараясь казаться веселой, она встала в хвост длинной змейки людей, и когда подошла ее очередь, завела свое привычное «Hello! Can I...», но Марко вдруг ее перебил.

– Stop! Wait!

И зычно крикнул куда-то в подсобку:

– Вик! Дођи, бре! *(ну-ка иди сюда)*.

Оттуда вынырнул тот самый мальчик, вытирая руки полотенцем:

– Па шта желиш? *(Чего тебе?)*

И замер, увидев ее. Покраснел, стремительно подскочил к прилавку, оттеснив плечом смеющегося Марко.

– Здравствуйте! – быстро сказал он, и по взгляду было видно: обрадовался. Да еще как. – Пряничный латте, да? Круассаны, правда, кончились, но, может, что-то другое хотите?

– Может быть, – проговорила она нараспев, уже понимая, что беззастенчиво флиртует с этим ослепительно молодым парнем. – А что вы порекомендуете?

– Что я порекомендую? – протянул он, и по красивым губам внезапно скользнула очень мужская усмешка, притягательная и будоражащая. Серые глаза азартно сверкнули. – Я порекомендую дождаться меня после работы, это через час. Мы пойдем гулять в парк, и я угощу вас глинтвейном.

– Не вас, а тебя, – твердо сказала она. – И я... дождусь.

5. Письмо Деду Морозу

Она смотрела на семилетнюю дочь, которая уже полчаса вдохновенно писала список из всего того, что ей хочется на Новый год, и мысленно прощалась с премией. И это ещё хорошо, если бывший муж согласится поучаствовать, а не начнёт как обычно кривить губы и ворчать, что она разбаловала их дочь и что в его детстве детям не дарили всякой бесполезной дорогой ерунды, а только нужные вещи.

Ну что можно было на это сказать? Значит, хреновое детство у тебя было, Олег! Раз в нем не было бесполезной ерунды, потому что как раз в ней и состоит вся радость.

Она, в отличие от бывшего мужа, это прекрасно понимала.

– Вот!

Яна принесла ей письмо.

Она взяла изрисованный снежинками и исписанный неровными буквами листочек, быстро пробежалась по нему глазами и удивленно приподняла брови:

– Кукла, которая умеет есть, плакать и ходить в туалет? А такие бывают?

– Бывают, – важно кивнула дочь, – я на ютубе видела. Как думаешь, может мне Дед Мороз такую принести?

– А ты была хорошей девочкой? – с улыбкой спросила она.

Яна очень по-взрослому вздохнула.

– Если честно, нет, мам. Но я думаю, рискнуть стоит. А вдруг Дед Мороз мне ее все-таки принесет?

– Разумно, – вынуждена была признать она, просматривая список дальше. В целом, все остальное было вполне ожидаемо. Красивое платье, легионеры, пенал с феей Винкс, фиолетовая плюшевая обезьяна... – Ян, обезьяна обязательно должна быть фиолетовой?

– Обязательно, – серьезно сказала дочка.

– Ну хорошо.

Они уже сложили письмо в красивый конверт, чтобы потом убрать его в морозилку (Дед Мороз по уже сложившейся традиции забирает послание именно оттуда), как вдруг Яна спросила:

– Мам, а твое письмо где?

– Взрослые не пишут письма Деду Морозу, – объяснила она. – Он ведь только детям приносит подарки.

– А ты попробуй напиши, – не отставала дочка. – Вдруг он взрослым ничего не приносит, потому что они его просто об этом не просят?

– Доча, – засмеялась она, – дело не в этом. Просто взрослые сами могут исполнять свои желания. Например, я хочу новую помаду и куплю ее себе. Как раз в качестве подарка на Новый год.

Яна серьезно задумалась. А потом сказала:

– Тогда напиши про то, что нельзя купить. Например, попроси у Деда Мороза нового мужа. Вы ведь с папой уже обратно не поженитесь?

– Не поженимся, – растерянно подтвердила она, даже не зная, как на это реагировать. У дочки был такой возраст, когда она умудрялась сочетать в себе абсолютно детскую веру в чудеса и безалаберность с совершенно недетской проницательностью и суждениями, которые и от взрослых-то не всегда услышишь.

– Тогда пиши, – велела Яна и притащила ей листочек и фломастеры.

И она поняла, что и правда будет проще написать, чем объяснять, почему нет.

– Только ты не смотри, – погрозила она дочке пальцем.

– Не буду! А можно мне еще печеньку взять? Шоколадную?

– Бери. Только одну.

Дочка умильно улыбнулась и убежала на кухню, но подозрительная тишина, а также шуршание упаковки и материнский инстинкт подсказали, что дело там нечисто.

– Яна! – крикнула она. – Я же сказала: одну!

– Ладно, ладно, – неуверенно отозвалась дочка. – Одну так одну.

Но упаковка опять предательски зашуршала.

Времени было мало: оставленная без внимания Яна спокойно могла и всю пачку печенья приговорить, поэтому писать приходилось быстро и не задумываясь:

«Дедушка Мороз, я хочу встретить красивого умного свободного мужчину. Хочу чтобы нам с ним было весело и легко, чтобы он любил меня и дружил с Яной, а еще чтобы любил активно проводить время, а не просто на диване лежать. А еще пусть у него будут карие глаза и кудрявые волосы. Спасибо! С наступающим Новым годом»

Она едва успела дописать до точки и сунуть письмо в конверт, как прибежала перемазанная шоколадом Яна, наклеила на конверт несколько красивых наклеек с принцессами, а потом еще повсюду нарисовала сердечки. Они спрятали письмо в морозилку и долго рассуждали о том, как Дед Мороз будет его забирать: сам или помощников отправит?

Наконец Яна пошла умываться и спать, а она, перебив всю посуду, вытащила уже немного подмерзший конверт и уселась с ним в кресло. Сфотографировала список пожеланий дочки, отправила его бывшему мужу, тот моментально ей перезвонил, и они быстро обсудили, кто что берет на себя.

Олегу, оказывается, повысили зарплату, так что он на радостях пообещал купить Яне ту самую супер-крутую куклу. Лего, пеналы и прочую мелочевку оставили бабушкам и дедушкам, а на себя она взяла красивое платье, набор детской косметики и плюшевую обезьяну. Обязательно фиолетовую.

Все решилось удачно, так что конверт она убрала в шкаф и спрятала среди бесконечных папок с документами, до которых никак не доходили руки, чтобы разобрать. Про свое письмо она уже и думать забыла.

Платье она купила почти сразу, на следующей неделе, заказанная косметика уже ехала и обещала быть через пару дней в пункте доставки, а вот обезьяна внезапно оказалась камнем преткновения.

Каждый родитель знает, что стоит твоему ребёнку захотеть совершенно конкретного плюшевого зверя, как именно его вдруг не оказывается ни в одном из магазинов. С чертовой обезьяной случилось то же самое!

В половине магазинов обезьян просто не было, в другой половине были, но коричневые, черные, розовые, зеленые или синие. Фиолетовых не было. Нигде. Ни на сайтах, ни в детских магазинах, ни на авито.

Когда до Нового года осталось два дня, лично у нее уже не осталось ни одной целой нервной клетки. Дурацкая обезьяна ей даже снилась, причем в каких-то кошмарах. В итоге она решила купить синюю, а дочке объяснить, что Дедушка Мороз старенький и плохо различает цвета, но когда она поехала в Детский мир, где видела ультрамариновую обезьяну, той там уже не оказалось.

– А что вы хотели? – устало пожала плечами продавец-консультант. – Новый год же. Все с полок сметают. Есть синий медведь, последний остался на складе. Принести?

Она не хотела синего медведя.

Она и синюю обезьяну-то не очень хотела, это был скорее жест отчаяния, потому что нужна была фиолетовая. Но их, похоже, просто не существовало в природе.

Поэтому с горя она купила того самого синего медведя (удастся ли убедить Яну, что Дедушка Мороз настолько стар, что не только цвета не различает, но и животных путает?), вышла из магазина и пошла через дворы к своей остановке. Опять полдня проехала, теперь

придется ночью дорабатывать. А ведь еще печенье надо испечь и овощи начать варить для салата. Селедку обещала мама сделать, а вот оливье как всегда на ней. А еще подарки упаковать...

Она вдруг остановилась, едва не споткнувшись, и уставилась на парня, вылезавшего из такси, которое стояло у противоположного дома. На парня ей было, честно говоря, плевать, но у парня был огромный черный рюкзак. А к нему была прицеплена... фиолетовая обезьяна.

Она быстро побежала напрямик через весь двор, увязая каблуками в снегу и чувствуя, как шапка съезжает на лоб. Надо было успеть. Успеть!

Ей оставалось метров сто, когда парень уже подошел к двери подъезда и начал доставать из кармана ключи, и пришлось идти на крайние меры.

– Подождите! – закричала она. – Подождите меня! Пожалуйста!

Парень замер, удивленно обернулся, но остался стоять на месте, хотя видно было, что он озадачен бегущей и размахивающей руками женщиной.

Когда она, запыхавшись, подскочила к нему, он, проигнорировав ее «Спасибо», придержал ей дверь и хмуро бросил:

– Ключи что ли забыли?

– Нет, – отчаянно замотала она головой. – Я...я.... – говорить было тяжело, дыхание все еще не восстановилось после такого внезапного забега. – Где вы купили эту обезьяну?!

– Обезьяну?! – вот тут его темные брови подскочили так, что почти достигли края шапки. А она вдруг невпопад заметила, что глаза у него карие. А еще уставшие и невыспавшиеся. – В аэропорту Нью-Йорка. А что?

– Черт, – тоскливо сказала она. – Там я до Нового года никак не окажусь.

– Скорее всего, – без особого интереса подтвердил парень.

– А вашему ребенку тоже нужна именно фиолетовая обезьяна, да?

– Моему ребёнку? – он зевнул. – Племяннику в смысле? Понятия не имею. Систер сказала, что мелкому надо мягкую игрушку, я привез мягкую игрушку. Какая первая попалась, такую и взял.

Он снова широко зевнул и очень явно посмотрел на дверь подъезда. С намеком так посмотрел.

Она переполошилась.

– Давайте я у вас куплю эту обезьяну! – выпалила она. – За любые деньги! Моя дочка очень хочет такую, а я нигде не нашла. Или... давайте поменяемся на синего слона?

– Слона? – темные брови опять подпрыгнули.

– Тьфу, то есть медведя, – она быстро порылась в сумке и предъявила медведя, как доказательство чистоты своих намерений.

Парень не мигая смотрел на нее.

– Я ничего не понимаю! – наконец с отчаянием сказал он. – Я сутки нормально не спал. Что вам надо?

– Обезьяну! Очень надо!

Парень выругался себе под нос, отцепил от рюкзака обезьяну, сунул ей в руки:

– Вот! Только отстаньте уже от меня.

– Спасибо! – вскрикнула она. – Скажите, сколько я вам должна!

Парень уже молча открывал дверь подъезда.

– Медведя хоть возьмите! Пожалуйста! Мне иначе стыдно! – взмолилась она, чувствуя себя так, будто украла эту дурацкую обезьяну.

Парень с бесконечно усталым лицом человека, который ненавидит весь мир, взял медведя, и запихнул его в огромный карман рюкзака.

– Там чек! – едва успела крикнуть она. – Если вдруг вы решите...

Двери подъезда захлопнулись с металлическим лязгом.

А она, все еще не веря своему счастью, торопливым шагом пошла к остановке, чувствуя, как мокро хлопает в ботинках, где растаял набившийся туда снег.

А второго января у нее зазвонил телефон, и на экране высветился незнакомый номер.

– Да? – осторожно спросила она.

– С Новым годом, – поприветствовал ее мужской голос. Что характерно, тоже незнакомый.

– А вы кто?

– Бывший хозяин фиолетовой обезьяны, – весело отчитался он. – Слушайте, эта история не идет у меня из головы. Вот как отоспался, все время о ней думаю. Кто вы такая? И зачем вам нужна была моя обезьяна? Это какой-то пранк был или что?

– Э-э-э, – она покосилась на играющую на диване Яну, которая делала вид, что очень занята, но явно навестила уши. – Давайте я вам потом расскажу.

– Потом? – парень задумался, а она вдруг не к месту вспомнила, что у него карие глаза. – Ну... давайте завтра кофе выпьем. Рядом с моим домом есть кафе «Венеция», завтра они вроде работают. В двенадцать часов подойдет?

– Подойдет! – обрадовалась она. – Я угощаю! А вы... откуда мой номер узнали?

– А это мой секрет! – объявил он и рассмеялся. – Завтра расскажу. При встрече.

Женя – именно так звали этого парня – оказался очень милым и веселым. А еще выяснилось, что у него есть в наличии неплохие детективные способности и невероятное обаяние. Потому что он не только нашел на чеке от медведя номер ее бонусной карты, но и как-то сумел уговорить продавщицу, чтобы она посмотрела по базе и дала ему номер ее телефона, хотя вообще-то такое было запрещено.

Историю про подарок дочке он выслушал с удивлением и признался, что был такой уставший и невыспавшийся, что вообще плохо помнит, что было. И сразу извиняется, если нагрубил.

Она замахала руками и возразила, что он вовсе не грубил и вообще вел себя на редкость адекватно для того, на кого напала сумасшедшая женщина, ищущая обезьяну.

Он смешливо фыркнул и заказал им еще по кофе. С мороженым.

Через три часа пришлось расходиться, потому что ей надо было забирать дочку у мужа и везти ее к бабушке, но они уже договорились увидеться завтра, потому что... да потому что просто было очень хорошо вместе. И это как-то быстро им обоим стало понятно.

Когда на следующий год она разбирала ящик с бумагами перед тем, как переезжать в новую большую квартиру, то нашла там старый конверт со своим письмом для Деда Мороза. Перечитала, улыбнулась и подумала, что волосы у Женьки не кудрявые. А самые что ни на есть прямые.

Но это Деду Морозу она, пожалуй, готова была простить.

6. Первый снег

Она выходит на крыльцо университета после последней пятой пары. Есть хочется, спать хочется и домой бы попасть поскорее. Она ждет привычную темноту, хмарь и грязь, но вместо этого на нее летит белое, снежное и радостное. Огромная светлая просторная улица. И в лучах фонаря видно, как сыплются и сыплются сверху мелкие снежинки.

– Снег! Блин, реально снег! – высыпавшие из дверей универа одноклассники орут и гогочут так, как будто они дурные пятиклассники, а не взрослые парни. Шапок нет ни на одном, снег серебрится на темных, светлых и русых волосах. Перчатки тоже не про них, поэтому снег они сгребают прямо так – голыми руками. И этот показательный идиотизм ее почему-то ужасно восхищает.

– Лови!

– Ахха, не попал. Лошара!

– Слышь, да сам ты лошара!

В хохочущего Руслана прилетает снежком, а низкий, коренастый, похожий на гнома Макс пытается сбить с ног белобрысую каланчу – Игоря. Они валятся в снег и начинают увлеченно бороться. Побеждает, как ни странно, Макс, который с огромным удовольствием вдавливая Игоря лицом в снег. Тот ржет и вырывается.

Ну а Мишка, понятное дело, сразу атакует девчонок. Весело поддразнивает Еву с Маринкой, осыпает снегом Варю, а красотке Оле сует снежок в капюшон ее дорожной норковой шубки и так призывно ухмыляется, сверкая глазами, что будь она на ее месте... Но Оля почему-то только презрительно фыркает, а пригоршню снега, собранную рукой в изящной кожаной перчатке, швыряет в сторону молчаливого, перетаптывающегося с ноги на ногу Добрыни. Попадает ему прямо в лицо, он ругается и отплевывается, и после этого начинается самая настоящая битва. Девки оглушительно визжат, укрывшись за скамейкой, и обстреливают парней коряво слепленными снежками. А те идут в наступление, и перевес явно на их стороне.

Все это так волнующе заманчиво, что она нарочно замедляет шаг, надеясь на что-то. Может, позовут или окриknут...

В затылок врзается снежок. Она тут же оборачивается и гневно вопит «А я тут при чем, идиоты?», хотя на самом деле радостно так, что едва получается сдержать улыбку.

– Даш, пошли к нам! – кричит ей Ева. – А то их больше, так нечестно.

И она с готовностью, которой никто не ожидал от высокомерной зануды-отличницы, ныряет к ним за скамейку, по дороге получив еще несколько бодрящих снежных приветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.